

Научная статья

УДК 340.1

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-3-43-53>

Правовое сотворчество публичной власти и общества как совместная деятельность

Малько Александр Васильевич¹, Трофимов Василий Владиславович², Самородов Владимир Юрьевич³

^{1, 2, 3}Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина, Тамбов, Россия

¹alex25-58@mail.ru

²iptgutv@mail.ru

³Vova.Samorodov@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается феномен правового сотворчества публичной власти и общества во взаимосвязи с категорией совместной деятельности. Указывается на междисциплинарный характер данных категорий и продуктивность их совместного исследования. Рассматривая основные концепции совместной деятельности, разработанные в социологии и социальной психологии, авторы работы приходят к выводу, что накопленные знания в этих научных сферах могут выступать в качестве фундаментальной теоретико-методологической основы для изучения правового сотворчества как особой разновидности совместной деятельности в правотворческой сфере. В обоснование данного тезиса приводятся общие признаки совместной деятельности и правового сотворчества, раскрывающие их единую социально-психологическую природу и характеризующие соответствующую специфику. Выделяются также некоторые специально-юридические признаки и уточняется определение понятия правового сотворчества. В заключение указывается, что использование потенциала методологических ресурсов междисциплинарного знания обеспечит более углубленное познание сущности и содержания, структуры и форм правового сотворчества, выступающего особой разновидностью совместной деятельности. Формулируемые научные представления направлены на развитие и обогащение теории правового сотворчества, а также будут способствовать созданию условий для оптимизации практики осуществления данной правовой деятельности.

Ключевые слова: публичная власть, общество, совместная деятельность, правовое сотворчество, правотворчество, оптимизация правовой деятельности, междисциплинарный подход

Для цитирования: Малько А. В., Трофимов В. В., Самородов В. Ю. Правовое сотворчество публичной власти и общества как совместная деятельность // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 3 (67). С. 43–53. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-3-43-53>.

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00271, <https://rscf.ru/project/24-28-00271/>.

© Малько А. В., Трофимов В. В., Самородов В. Ю., 2024

Original article

Legal co-creation of public authorities and society how to collaborate activities

Alexander V. Malko¹, Vasily V. Trofimov², Vladimir Yu. Samorodov³

^{1, 2, 3}Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation

¹alex25-58@mail.ru

²iptgutv@mail.ru

³Vova.Samorodov@yandex.ru

Abstract. The article examines the phenomenon of legal co-creation of public authorities and society in relation to the category of joint activity. The interdisciplinary nature of these categories and the productivity of their joint research are indicated. Considering the basic concepts of joint activity developed in sociology and social psychology, the authors of the work come to the conclusion that the accumulated knowledge in these scientific fields can act as a fundamental theoretical and methodological basis for the study of legal co-creation as a special kind of joint activity in the law-making sphere. In substantiation of this thesis, the general signs of joint activity and legal co-creation are given, revealing their unified socio-psychological nature and characterizing the corresponding specifics. Some special legal features are also highlighted and the definition of the concept of legal co-creation is clarified. In conclusion, it is indicated that the use of the potential of methodological resources of interdisciplinary knowledge will provide a more in-depth knowledge of the essence and content, structure and forms of legal co-creation, which is a special kind of joint activity. The formulated scientific ideas are aimed at developing and enriching the theory of legal co-creation, and will also contribute to creating conditions for optimizing the practice of this legal activity.

Keywords: public authority, society, joint activities, legal co-creation, law-making, optimization of legal activity, interdisciplinary approach

For citation: Malko A. V., Trofimov V. V., Samorodov V. Yu. Legal co-creation of public authorities and society how to collaborate activities. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 3 (67), pp. 43–53. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-3-43-53>.

Funding: The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation No. 24-28-00271, <https://rscf.ru/project/24-28-00271/>.

Введение

Вызовы и угрозы, стоящие перед современной Россией (связанные прежде всего с формированием многополярного мира), требуют объединения усилий органов публичной власти и институтов гражданского общества. В подобных условиях только их совместная деятельность позволит добиться нужных результатов.

Сама по себе совместная деятельность является объектом целого ряда наук (социологии, психологии, педагогики и иных) и выступает междисциплинарной категорией, хотя каждая из областей знания «высвечивает» характерную для соответствующей науки грань данного явления. Так, социологический анализ совместной деятельности (в силу статуса науки), в отличие от психологии и педагогики, проводится с более широких позиций и в гораздо более объемных масштабах. С этой точки зрения обоснованно подчеркивается, что она «как один из важнейших атрибутов общества связана с целенаправленным совершенствованием жизни человека и исторически складывающихся в силу определенной специфики совместной

деятельности отношений в человеческом обществе» [1, с. 212], что «субстанцией общества, глубинной сущностью социальной жизни выступает именно процесс совместной деятельности людей, которая является предельной основой социального как такового, определяющей все остальные его ипостаси, формы и содержание» [2, с. 376].

В социологии предлагают выделять четыре основных типа совместной активности людей, представляющих собой главные контуры всей системы деятельности. Для самостоятельного и самодостаточного существования социума данные типы совместной активности являются необходимыми, так как целиком и полностью включают в себя все разновидности и способы активности людей, которая направлена не только на сохранение всех форм социального, но и на производство новых. Речь идет о четырех основных типах деятельности, которые соответствуют четырем подсистемам общества: духовной, организационно-управленческой, социальной и материально производственной [2, с. 376–377].

Совместная деятельность и ее проявление в рамках творчества (в широком смысле как со-зидания чего-либо) исследуются в педагогике [3–6], политологии [7–9], маркетинге [10; 11], медицине [12] и других науках. Разумеется, все имеющиеся наработки важно учитывать. Вместе с тем правовое сотворчество, будучи прежде всего явлением, образуемым солидарным взаимодействием людей в сфере правосозидания, выступая особой разновидностью их совместной деятельности, должно предполагать в целях детального рассмотрения данного феномена использование наряду с юридическим социально-психологическим знания, тем более что «в социальной психологии в связи с ее двойственным происхождением специальная методология формируется при условии адаптации методологических принципов как психологии, так и социологии» [13, с. 55–56]. Здесь вполне можно разделить мнение, что «юридической наукой и практикой самое серьезное внимание должно быть уделено психологическим аспектам эффективности права, психологическим проблемам взаимодействия права как социально-духовного регулятора, как продукта культуры и национального менталитета и психологических структур личности, ее мировоззрения, потребностей, идеалов, социальных ожиданий, ценностных установок» [14, с. 5]. Социально-психологический подход важен и для изучения правовых процессов на уровне правотворческой деятельности [15], где происходят наиболее масштабные правосотворческие процессы. Соответственно, учитывая базовое юридическое содержание данных процессов, резонно обращаться также к познанию социально-психологических особенностей и факторов совместного (публичной власти и общества) деятельности созидания права. Данная сфера до настоящего времени остается недостаточно изученной.

Обозначенные положения указывают на необходимость наиболее углубленного рассмотрения правового творчества как особой формы совместной деятельности, применяя потенциал междисциплинарного (преимущественно — социально-психологического) знания.

Социально-психологическая траектория рассмотрения правового сотворчества публичной власти и общества как особой формы совместной деятельности

В литературе отмечается, что в социальной психологии «лишь в 80-е годы XX века совместная деятельность стала постепенно

приобретать статус самостоятельного объекта научного исследования» [16, с. 4]. Со временем категория совместной деятельности превращается в одну из самых важных, ибо она объясняет активность субъектов как основную движущую силу социума и как процесс, в ходе которого развивается сама человеческая личность.

С этих позиций представители психологии обобщенно выделяют следующие системообразующие признаки подобной деятельности:

- 1) пространственное и временное сопричастие участников;
- 2) единые цели и общие конечные результаты;
- 3) наличие органов управления;
- 4) объединенная и согласованная деятельность участников;
- 5) разделение деятельности на функционально связанные составляющие и распределение их между участниками;
- 6) возникновение в процессе совместной деятельности межличностных отношений, которые образуются на основе предметно заданных функционально-ролевых взаимодействий и, в свою очередь, начинают влиять на протекание деятельности [3, с. 12; 17].

Совместную деятельность определяют как организованную систему активности взаимодействующих индивидов, направленную на целесообразное производство (воспроизводство) объектов материальной и духовной культуры [18, с. 367]; как вид групповой деятельности, в которой действия ее участников подчинены общей цели [19]; как взаимосвязанную деятельность, в которой действия и операции одних зависят от одновременных или предшествовавших действий и операций других участников [20].

В зарубежных источниках (Т. Венер, К. Клазес и Р. Бахманн) анализируют совместную деятельность, в частности, как исторически формирующиеся разделение и координацию труда (формальные организационные нормы, должностные инструкции, функциональные обязанности и т. д.), которые постоянно реинтерпретируются и пересматриваются участниками деятельности под влиянием непредвиденных, не регламентированных правилами событий. С их точки зрения, процессы межорганизационного сотрудничества нельзя рассматривать как прямой результат договоренностей и заранее планируемых форм совместной деятельности. Эти процессы находятся под влиянием критических ситуаций, более или менее расходящихся

с планируемой организацией работ. Авторы данной концепции выделяют в структуре совместной деятельности три типа процессов — кооперацию, координацию и сотворчество. Если целью корректирующей кооперации является урегулирование единственной (исключительной) ситуации, то сотворчество — это форма расширительной кооперации, которая направлена на новое формулирование целей совместной деятельности и принципов разделения труда, то есть призвана в корне изменить первоначальную координированность участников совместной деятельности. Подобная форма носит открытый и спланированный характер. В межорганизационных партнерствах сотворчество осуществляется вне рутинной, повседневной деятельности. Выработанные цели должны быть затем внедрены в практику, что названо восстановительной координацией. Она представляет собой донесение новых договоренностей до тех субъектов, которые не принимали непосредственного участия в сотворчестве, но которым предстоит действовать в соответствии с этими новыми задачами. Принятие новых целей и условий совместной деятельности всеми ее субъектами, восстановление доверия сторон друг к другу знаменуют собой обновленную форму координированности, на основе которой будут осуществляться кооперация и координация между партнерами. Если же попытки сотворчества не приводят к новым договоренностям или эти соглашения не удается претворить в жизнь, совместная деятельность прекращается [16].

Если же говорить о сугубо юридической сфере, то для совместной деятельности здесь также немало поводов и предметов, способных актуализировать все названные выше формы совместной активности. Безусловно, особой формой совместной деятельности органов государства и институтов гражданского общества выступает *правовое сотворчество*, ибо оно тоже характеризуется наличием у названных субъектов единой цели, достижение которой требует определенного их взаимодействия. Правовое сотворчество в этом смысле весьма заметно «перекликается» (созвучно) с сотворчеством, выделяемым в своих трудах Т. Венером, К. Клязесом и Р. Бахманном, представляя собой самостоятельную форму совместной деятельности правотворческих субъектов, нацеленную на изменение правовой реальности, поэтому обозначить данное явление как сотворчество (в праве) будет не менее точно, так как речь идет об особой разновидности именно правотворческого процесса с участием нескольких субъектов.

Согласно рабочей дефиниции «под правовым сотворчеством следует понимать процесс совместного деятельностного взаимодействия государственных и общественных институтов, различных политических и социальных акторов в рамках правового поля (пространства правовой жизни), в результате которого рождается некая новая правовая реальность (в виде нормативных правовых положений и образцов их реализации) или же происходит обновление традиционной (с привнесением неких новых элементов в форму, структуру и содержание права)» [21, с. 109].

Несомненно, при исследовании правового сотворчества концепции совместной деятельности, разработанные в социологии и социальной психологии, могут выступать в виде фундаментальной познавательной основы, оказывая определенные значимые методологические «услуги».

Правовое сотворчество как особая разновидность (тип) совместной деятельности наряду с признаками, присущими последней и первому в качестве общих, имеет еще и некие собственные — специально-юридические черты, которые также будут рассмотрены нами более подробно далее. Это позволит не только зафиксировать тесную взаимосвязь данных явлений, но и выявить дополнительные теоретико-методологические основания (прежде всего, как мы заметили выше, социально-психологического плана, подтверждающие в этом своем качестве важность конвергенции юридической и смежных социогуманитарных наук) для изучения правового сотворчества как особой формы совместной деятельности.

Общие признаки совместной деятельности и правового сотворчества

Общими признаками совместной деятельности и правового сотворчества публичной власти и общества могут выступать следующие.

Во-первых, правовое сотворчество — разновидность не только творчества, но и такой совместной деятельности, как сотрудничество. Тем более что эти феномены непосредственным образом связаны друг с другом. Ведь творчество является одной из важнейших форм человеческой активности, составляя «квинтэссенцию тех самых функций, при помощи которых человек творчески синтезирует информацию об окружающем его мире» [22, с. 329–330]. Верно подмечено, что категория «творчество» отражает и выражает созидательную деятельность личности, направленно и рационально

воспроизводящую и преобразующую природный и социальный мир в соответствии с ее интересами и целями по объективным законам действительности [23, с. 290]. В свою очередь, «каждая же созидательная деятельность имеет свой продукт, называемый “творением”» [24, с. 144]. Следовательно, правовое сотворчество — вид творческой деятельности, осуществляемой в сфере правообразования. При правильной организации творческие возможности расширяются, и здесь во многом могут помочь ресурсы психологической культуры, которые связаны с повышением творческого потенциала человека, развитием его способностей к воображению и т. п. Вполне солидаризуемся с тезисом о том, что способы формирования психологической культуры зависят от области деятельности. Например, в менеджменте (что наиболее близко к правотворчеству) это «воображение ваших целей» и «общее конструктивное предвидение» [22, с. 338]. Также уместно отметить и значение организационной культуры [25; 26], которая может пониматься в узком смысле как культура некоей организации (фирмы, учреждения и т. д.) и в более широком смысле как культура организации определенной совместной деятельности, в том числе правовой, например «культура организации правотворческого процесса», который как деятельность в сфере правосозидания предполагает, по общему правилу, активные совместные усилия его субъектов (участников).

Что касается сотрудничества, то, согласно словарям, сотрудничать — значит «действовать вместе, принимать участие в общем деле» [27, с. 750], поэтому, естественно, отношения между сторонами в таких условиях кооперации (как еще называют сотрудничество) основаны на согласии, взаимном понимании и взаимной поддержке. Совместная же деятельность — активное внешнее выражение подобной кооперации. «Кооперативное взаимодействие предусматривает кооперацию единых сил участников (упорядочение, комбинирование, суммирование этих сил). Большая часть социально-психологических исследований межличностного взаимодействия посвящена изучению именно этого типа взаимодействия. Такие феномены, как взаимопонимание, сплоченность, слаженность, сработанность, **совместная деятельность** (выделено нами. — **А. М., В. Т. и В. С.**), развитие взаимоотношений, наиболее полно проявляются при кооперативном взаимодействии» [28, с. 96].

Во-вторых, правовое сотворчество выступает высшей формой сотрудничества, вовлекая

в государственное управление (с помощью наибольшей степени сотворческого процесса) граждан и структуры общества, где требуется проявлять особую волю и ответственность. Высшей эта форма может считаться потому, что в рамках нее осуществляется правотворчество, призванное создавать новые правила — нормативно-правовые основы как для всех остальных форм взаимодействия, так и для всей правовой жизнедеятельности. Процессы правового сотворчества, выражая положительный потенциал межсубъектного сотрудничества, способствуют развитию, усилению личного творческого потенциала субъектов данной деятельности, придавая форму взвешенности, выверенности личным творческим инициативам, которые часто выступают первоначальным шагом правовых преобразований [29].

Если использовать ранее приведенный социологический подход, согласно которому выделяют четыре основных типа совместной активности, то правовое сотворчество есть организационно-управленческая подсистема, представляющая собой деятельность по созданию и оптимизации общественных отношений посредством правовой формы и состоящая из двух частей — непосредственного управления, складывающегося, в свою очередь, также из двух частей — политического управления (направленного на установление внешних отношений) и административного управления (направленного на решение внутренних проблем), а также коммуникации, понятой в данном контексте как установление (организация) межсубъектных связей с целью осуществления интегрированной системой управляющих воздействий. Центральным субъектом такого рода управления выступает государство, которое предстает своего рода коллективным субъектом, которому всеми гражданами общества делегированы такие права (права на управление общественными процессами). Задачей организационно-управленческой деятельности правосотворческого характера является производство и сбережение социальных связей, позволяющих сохраняться обществу как целостной системе. Основной же механизм, обеспечивающий осуществление как управления, так и контроля, — публичная официальная власть, выступающая в форме отношений руководства-подчинения. Однако в современном информационном обществе активно практикуются такие формы управления, которые не требуют ни официальных легитимно установленных отношений руководства-подчинения, ни облечения субъекта управления какими-либо

властными полномочиями. К таким формам можно отнести все способы управления электоральным и потребительским поведением, управление массовым сознанием в условиях информационной войны, управление принятием политических и правовых решений при помощи лоббизма, иными словами, все виды психологического манипулятивного воздействия на сознание людей с целью их ориентации в направлении, заданном субъектом данной деятельности и т. д. [2, с. 376]. Действительно, в процессе правового сотворчества нельзя исключить и возможное манипулирование со стороны органов публичной власти в отношении структур общества (например, это вполне реально и во время всенародного обсуждения, и в период проведения референдума и т. п.) [30].

В-третьих, субъекты — это, с одной стороны, органы публичной власти, а с другой — институты гражданского общества, выступающие в виде активных самостоятельных участников правотворчества и одновременно в качестве «совместного» своего рода гибридного (смешанного) актора. С позиции социальной психологии «субъект совместной деятельности — не простая совокупность индивидов, а группа как некая социально-психологическая общность» [31, с. 9]. Здесь важным является наличие органов руководства, которые воплощены в лице одного из участников, наделенного особыми полномочиями, а также то, что субъекты рассматриваются в том числе и с позиции мотивации, чувств, переживаний, привычек и прочее. Более того, подобная активность исследуется «как непосредственная основа развития психологических возможностей каждого из ее участников; ее анализ позволяет раскрыть источник развития субъекта совместной деятельности и сам психологический механизм ее развития, выявить объективные закономерности процесса развития, рассматриваемого с психологической точки зрения» [32, с. 59], поэтому знать и учитывать вышеназванную информацию следует как в процессе подготовки к правовому сотворчеству, так и при его осуществлении.

В-четвертых, объект правового сотворчества — общественные отношения, которые должны быть организованы в результате данного сотворчества, что воплощается в конечном счете в принятии юридической нормы. В литературе по социальной психологии обосновано подчеркивается, что «ключевым моментом всякой формы совместной деятельности являются те отношения, которые объективно связывают ее участников, а конкретные предметные

действия, направленные на изменение объективных условий бытия их совместной деятельности, — это то, что определяет характер этих отношений, реализует их и закономерно трансформирует эти отношения» [32, с. 59–60]. Процесс сотворчества публичной власти и гражданского общества в сфере правосозидания позволяет более уверенно убедиться посредством диалога и сотрудничества в необходимости урегулирования тех или иных общественных отношений, уточнении, изменении способа их регулирования, а также достигнуть баланса интересов при формировании юридической нормы, которая при таких обстоятельствах и предпосылках в последующем с большой степенью вероятности станет эффективным регулятором.

В-пятых, содержание правового сотворчества выражается в совершении субъектами совместных правотворческих действий, «соучаствующих» вместе в управлении государственными и общественными делами. С психологической точки зрения это есть «пространственное и временное соприсутствие участников, создающее возможность непосредственного личного контакта между ними, в том числе обмена действиями, обмена информацией, а также взаимной перцепции» [18, с. 367].

В-шестых, правовое сотворчество призвано содействовать достижению совместных целей при принятии правотворческого продукта (нормативных правовых актов, нормативных договоров и т. д.), в которых согласовываются и удовлетворяются интересы сторон (государства и гражданского общества). Этот признак тоже во многом базируется на социологических и психологических исследованиях. Если социологи обоснованно утверждают, что для «инициации и реализации плодотворного взаимодействия обе стороны должны уметь сопоставлять свою функционально-целевую ориентацию с целевым предназначением другой стороны, чтобы найти «дополняющую» и взаимоприемлемую нишу в своей повседневной работе с участием другой стороны...» [33, с. 98–99], то психологи убеждены в важности наличия «единой цели — предвосхищаемого результата совместной деятельности, отвечающего общим интересам и способствующего реализации потребностей каждого из включенных в совместную деятельность индивидов. Как прообраз результата совместной деятельности и вместе с тем ее начальный момент цель является конституирующим признаком совместной деятельности» [18, с. 367].

В-седьмых, совместная деятельность и правовое сотворчество характеризуются разделением процесса содеятельности между соисполнителями исходя из специфики цели, средств и самой деятельности. В частности, отмечается, что «разделение процесса совместной деятельности между участниками, обусловленное характером цели, средств и условий ее достижения, составом и уровнем квалификации исполнителей... предполагает взаимозависимость индивидов, проявляющуюся либо в конечном продукте совместной деятельности, либо в самом процессе его производства...» [18, с. 367].

В-восьмых, в процессе совместной деятельности, как и в правовом сотворчестве, наблюдается возникновение «межличностных отношений, образующихся на основе предметно заданных функционально-ролевых взаимодействий и приобретающих со временем относительно самостоятельный характер. Будучи исходно обусловлены содержанием совместной деятельности, межличностные отношения в свою очередь оказывают воздействие на ее процесс и результаты» [18, с. 367–368].

Разумеется, общие параметры совместной деятельности и правового сотворчества имеют разное значение для юридической сферы: одни более существенны, другие – менее. Вместе с тем их необходимо учитывать в государственно-правовой политике по оптимизации правового сотворчества органов публичной власти и институтов гражданского общества.

Специальные признаки правового сотворчества как совместной деятельности и опыт определения его понятия

Правовое сотворчество имеет и свои собственные, специально-юридические признаки, к которым можно отнести следующие.

1. Оно осуществляется в юридической сфере и прежде всего в правотворческой деятельности, которая в силу своего предназначения нацелена на воспроизводство творческих актов и открыта для включения механизмов «совместности» в осуществляемой деятельности, то есть вполне предзадана на реализацию сотворческих процессов, для эффективного обеспечения которых правотворческой практикой выработаны специальные формы (непосредственное правотворчество народа в рамках референдума, народная правотворческая инициатива, публичные обсуждения проектов нормативных правовых актов и др.). Правотворчество является открытой системой публично-властной

деятельности, самым тесным образом связанной с системой гражданского общества, поэтому процессы сотворчества — важнейшая и естественная составляющая правотворческой системы в государстве.

2. Правовое сотворчество — это один из важнейших способов правовой (а точнее – правотворческой) консолидации институтов гражданского общества и структур публичной власти. Процессы правового сотворчества содействуют сплочению (синтезированию мнений, интересов, позиций) различных структур публичной власти и институтов гражданского общества, что является основой для более стабильных, востребованных обществом, социализируемых результатов правотворческой деятельности. Правовое сотворчество есть также путь к взаимопониманию государственного аппарата и социума, к осознанию общих целей публичной власти и гражданского общества, прогрессивному правовому развитию.

3. Будучи высшей формой сотрудничества, которая базируется на согласии, доверии, взаимности, правовое сотворчество привносит позитивное содержание в правовую жизнь общества. «Негативные и позитивные свойства правовой жизни общества зависят от того, в каких по характеру социально-интерактивных отношениях между собой находятся люди и их организации. Негативное содержание правовой жизни возникает, если в основе социально-правовых отношений присутствует явный или скрытый (латентный) конфликт между социальными субъектами (конфликт юридически значимых действий, конфликт интересов, конфликт правоприязаний и пр.). В свою очередь, позитивное содержание в правовую жизнь привносится тогда, когда социальные субъекты (субъекты права) вступают в отношения сотрудничества (солидарности), выражают намерение сообща решать существующие проблемы и задачи, строить свои отношения на началах доверия, взаимопонимания и взаимной поддержки» [34, с. 42].

4. Правовое сотворчество в определенной мере есть один из главных показателей степени цивилизованности, уровня народовластия и зрелости не только гражданского общества, но и государственной власти. «Участвуя в выработке и принятии политических и правовых решений, граждане фактически становятся соавторами таковых, разделяя с государством (муниципальной властью) ответственность за их реализацию, у них самих же повышается заинтересованность в исполнении нормативных

предписаний или в более активном использовании предоставляемых политическими институтами и правом возможностей. Реализация возможностей активного и ответственного участия граждан, гражданских институтов в происходящих в государстве процессах... составляет один из главных показателей идентичности и степени зрелости современного гражданского общества» [35, с. 76].

5. Правовое сотворчество — это совместная деятельность, обеспечивающая создание правотворческих результатов, определяющих правовой облик государства, ту нормативную правовую реальность, в которой будут существовать и развиваться государственные и социальные институты. В этой совместной деятельности заложен важный созидательный правотворческий и упорядочивающий социально-правовую жизнь смысл.

Исходя из выявленных общих и специально-юридических признаков правового сотворчества, предлагаем следующее определение, которое, как нам представляется, будет дополнять ранее приведенное. **Правовое сотворчество** — это высшая форма сотрудничества в правовой сфере между органами публичной власти и институтами гражданского общества, призванная согласовывать их интересы (облекаемые затем в соответствующие правотворческие акты), выступающая составной частью позитивной правовой жизни и одним из главных показателей степени цивилизованности, народовластия и зрелости как государства, так и социума.

Заключение

При изучении правового сотворчества, выступающего особой разновидностью (типом) совместной деятельности, важно использовать в качестве методологических оснований (в комплексе с юридическими) как социологические, так и психологические закономерности. К тому же сама социальная психология в связи с ее «двойственным происхождением» требует «руководствоваться в исследовательской практике одновременно методологическими принципами двух различных научных дисциплин: психологии и социологии» [13, с. 54–55]. Данная теоретико-методологическая установка позволяет углубить знания о междисциплинарных основаниях явления правового сотворчества (в котором, как показали результаты исследования, компоненты социального, психологического и юридического тесно связаны) и оказать влияние на развитие специальных юридических знаний о рассматриваемом феномене.

Сложности в познании института правового сотворчества заключаются в том, что его функции (как организационно-управленческой подсистемы) направлены на выполнение его роли не только по отношению к другим подсистемам (духовной, социальной и материально-производственной), но и по отношению к обществу в целом. Однако его анализ (в рамках конкретного типа совместной деятельности) дает возможность использовать потенциал методологических ресурсов социальной психологии для более основательного выявления сущности и содержания, структуры и форм проявления рассматриваемого феномена в современный период развития России как государства, которому жизненно необходимо развиваться на устойчивой (солидарной) социально-правовой основе. В этом и состоит научно-теоретическое значение исследования правового сотворчества, развивающегося в определенной степени концепцию совместной деятельности как в целом, так и прежде всего в юридической сфере.

Практическая же польза заключается в том, что, применяя социологические и психологические подходы (в целом ориентируясь на междисциплинарные связи в праве) и тем самым лучше познавая данный инструмент, делается заметный «вклад» в создание необходимых условий для оптимизации правотворческой деятельности, способствующей стабильному правовому прогрессу современного государства, который во многом обеспечивается результатами правового сотворчества публичной власти и общества, чаще всего выраженными в форме нормативных правовых актов.

Список источников

1. Киселев В. И. Совместная деятельность как субстанциональная основа общества // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. Том 3. № 4. С. 212–215.
2. Науменко Т. В. Взаимодействие сфер общества как типов совместной деятельности людей // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2017. Том 17. № 3. С. 373–386. DOI: 10.22363/2313-2272-2017-17-3-373-386.
3. Гайдукова И. Е. Совместная деятельность как педагогическая категория // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 3. С. 12–13.
4. Поздеева С. И. Начальная школа — пространство совместной деятельности // Вестник Томского государственного педагогического университета. Серия: Педагогика. 2003. Вып. 2 (36). С. 58–67.
5. Прокументова Г. Н. Школа совместной деятельности. Эксперимент: развитие цели воспитания

в исследовательской деятельности педагогов школы. Томск, 1994. 41 с.

6. Bovill C. Co-creation in learning and teaching: the case for a whole-class approach in higher education // Higher education. 2020. Vol. 79. № 6. Pp. 1023-1037. DOI: 10.1007/s10734-019-00453-w.

7. Сморгун Л. В. Совместное управление и сотрудничество в системе публичной власти // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2022. № 1. С. 14–20.

8. Ansell C., Gash A. Collaborative Governance in Theory and Practice // Journal of Public Administration Research and Theory. 2008. Vol. 18. № 4. Pp. 543–571. DOI:10.1093/jopart/mum032.

9. Menno D. T. de Jong, Neulen S., Jansma S.R. Citizens' intentions to participate in governmental co-creation initiatives: Comparing three co-creation configurations // Government Information Quarterly. 2019. Vol. 36. № 3. Pp. 490–500. DOI: 10.1016/j.giq.2019.04.003.

10. Gebauer J., Füller J., Pezzeri R. The dark and the bright side of co-creation: Triggers of member behavior in online innovation communities // Journal of Business Research. 2013. Vol. 66. № 9. Pp. 1516–1527. DOI: 10.1016/j.jbusres.2012.09.013.

11. Zhang L., Zhu N., Wang H. Influence of co-creation signals on observers' co-creation willingness: A self-determination theory perspective // Frontiers in Psychology. Section Organizational Psychology. 2022. Vol. 13. URL: <https://www.frontiersin.org/journals/psychology/articles/10.3389/fpsyg.2022.943704> (дата обращения: 12.06.2024). DOI: 10.3389/fpsyg.2022.943704.

12. Tschumi P., Mayer H. How does co-creation influence healthcare regulations? An analysis of co-creation in social innovation // Innovation: The European Journal of Social Science Research. 2023. Vol. 37. № 1. Pp. 85–117. DOI: 10.1080/13511610.2023.2296380.

13. Андреева Г. М. Социальная психология: учебник. 2-е изд., доп. и перераб. Москва: Изд-во МГУ, 1988. 429 с.

14. Жинкин С. А. Психологические проблемы эффективности права: монография. Санкт-Петербург: Юридический Центр Пресс, 2009. 371 с.

15. Кибак И. А. Социопсихологическое обеспечение законотворчества // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2014. № 3 (58). С. 81–84.

16. Журавлев А. Л. Психология совместной деятельности: монография. Москва: Наука, 2005. 638 с.

17. Донцов А. И. К проблеме целостности субъекта коллективной деятельности // Вопросы психологии. 1979. № 3. С. 25–34.

18. Психология: словарь / под общ. ред. А. В. Петровского и М. Г. Ярошевского. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Политиздат, 1990. 494 с.

19. Платонов К. К. Общие проблемы теории групп и коллективов // Коллектив и личность / под ред.

К. К. Платонова. АН СССР. Ин-т психологии. Москва: Наука, 1975. С. 3–17.

20. Обозов Н. Н. Совместимость и срабатываемость людей; Академия психологии предпринимательства и менеджмента. Санкт-Петербург: Облик, 2000. 211 с.

21. Трофимов В. В., Свиридов В. В. Правовое сотрудничество: дефиниция понятия и роль в российском правотворческом процессе // Правовая политика и правовая жизнь. 2018. № 4. С. 106–114.

22. Волков Ю. Г., Поликарпов В. С. Человек: Энциклопедический словарь. Москва: Гардарики, 1999. 518 с.

23. Кузьмин Е. С. Система «Человек и мир»: монография в 2-х томах / науч. ред. В. И. Березовский. Иркутск: Изд-во Иркутского государственного университета, 2010. Том 1. 314 с.

24. Ильина В. А. Онтологический подход к познанию системы ценностей юридической психологии // Психология и право. 2020. Том. 10. № 1. С. 143–151.

25. Шейн Э. Организационная культура и лидерство. 3-е изд. / пер. с англ. под ред. Т. Ю. Ковалевой. Санкт-Петербург: Питер, 2008. 336 с.

26. Besonia Bon Eric A. Self-evaluation of leadership styles, communication styles, and organizational cultures among top managers // Organizational Psychology. 2023. Vol. 13. № 3. Pp. 92–119. DOI: 10.17323/2312-5942-2023-13-3-92-119.

27. Ожегов С. И. Словарь русского языка: 70000 слов / под ред. Н. Ю. Шведовой; АН СССР, Ин-т рус. яз. 23-е изд., испр. Москва: Рус. яз., 1991. 915 с.

28. Геворкян С. Р. Некоторые аспекты категории взаимодействия в современной социальной психологии // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2006. № 1. С. 92–101.

29. Баранов В. М., Трофимов В. В. Личное в правотворчестве: утопия, антропологический ресурс или необходимое технико-юридическое средство повышения качества // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 2 (30). С. 9–18.

30. Малько А. В., Субочев В. В. Политико-правовое манипулирование как психологический феномен и научная категория // Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 163–180. DOI:10.17759/psylaw.2021110113.

31. Дубовская Е. М. Проблема совместной деятельности: традиция и перспектива // Социальная психология и общество. 2013. № 3. С. 5–12.

32. Нечаев Н. Н. Категория развития как основа психолого-педагогических исследований образования // Культурно-историческая психология. 2018. Том 14. № 3. С. 57–66. DOI: 10.17759/chr.2018140306.

33. Никовская Л. И., Якимец В. Н. От конфликта к межсекторному партнерству // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI. № 1. С. 96–112.

34. Трофимов В. В. Конфликтное право и право сотрудничества как выражение базовых социальных стратегий: проблема действительности системно-правовой конструкции // Государственно-правовые исследования. 2022. Вып. 5. С. 39–51. DOI: 10.20310/2658-5383-2022-5-39-51.

35. Трофимов В. В. Коммуникация гражданского общества и публичной власти на платформе правового сотворчества как социальный инструмент выравнивания и стабилизации курса государственно-правового развития (введение в проблему) // Право: история и современность. 2018. № 1. С. 73–82. DOI: 10.17277/pravo.2018.01.pp.073-082.

References

1. Kiselev V. I. Joint activity as a substantial basis of society. *Bulletin of Kemerovo State University*, 2014. Vol. 3, no. 4, pp. 212–215. (In Russ.)

2. Naumenko T. V. Interaction of spheres of society as types of joint activities of people. *Bulletin of RUDN University. Series: Sociology*. 2017. Vol. 17, no. 3, pp. 373–386. DOI: 10.22363/2313-2272-2017-17-3-373-386. (In Russ.)

3. Gaidukova I. E. Joint activity as a pedagogical category. *World of Science, Culture, Education*, 2013, no. 3, pp. 12–13. (In Russ.)

4. Pozdeeva S. I. Primary school — a space for joint activities. *Bulletin of Tomsk State Pedagogical University. Series: Pedagogy*, 2003, issue. 2 (36), pp. 58–67. (In Russ.)

5. Prozumentova G. N. School of joint activities. Experiment: development of educational goals in the research activities of school teachers. Tomsk, 1994, 41 p. (In Russ.)

6. Bovill C. Co-creation in learning and teaching: the case for a whole-class approach in higher education. *Higher education*, 2020, vol. 79, no. 6, pp. 1023–1037. DOI: 10.1007/s10734-019-00453-w (In Engl.)

7. Smorgunov L. V. Joint management and cooperation in the system of public authorities. *Bulletin of Voronezh State University. Series: History. Political science. Sociology*, 2022, no. 1, pp. 14–20. (In Russ.)

8. Ansell C., Gash A. Collaborative Governance in Theory and Practice. *Journal of Public Administration Research and Theory*, 2008, vol. 18, no. 4, pp. 543–571. DOI:10.1093/jopart/mum032 (In Engl.)

9. Menno D. T. de Jong, Neulen S., Jansma S.R. Citizens' intentions to participate in governmental co-creation initiatives: Comparing three co-creation configurations. *Government Information Quarterly*, 2019, vol. 36, no. 3, pp. 490–500. DOI: 10.1016/j.giq.2019.04.003 (In Engl.)

10. Gebauer J., Füller J., Pezzei R. The dark and the bright side of co-creation: Triggers of member behavior in online innovation communities. *Journal of Business Research*, 2013. Vol. 66, no. 9, pp. 1516–1527. DOI: 10.1016/j.jbusres.2012.09.013 (In Engl.)

11. Zhang L., Zhu N., Wang H. Influence of co-creation signals on observers' co-creation willingness: A self-determination theory perspective. *Frontiers in Psychology. Section Organizational Psychology*, 2022, vol. 13. URL: <https://www.frontiersin.org/journals/psychology/articles/10.3389/fpsyg.2022.943704> (accessed 12.06.2024). DOI: 10.3389/fpsyg.2022.943704 (In Engl.)

12. Tschumi P., Mayer H. How does co-creation influence healthcare regulations? An analysis of co-creation in social innovation. *Innovation: The European Journal of Social Science Research*, 2023, vol. 37, no. 1, pp. 85–117. DOI: 10.1080/13511610.2023.2296380 (In Engl.)

13. Andreeva G. M. Social psychology. 2 ed. Moscow: MGU Publ., 1988. 429 p. (In Russ.)

14. Zhinkin S. A. Psychological problems of the effectiveness of law. Saint-Petersburg: Yuridicheskii Tsentri Press, 2009. 371 p. (In Russ.)

15. Kibak I. A. Sociopsychological support for law-making. *Psychopedagogy in law enforcement agencies*, 2014, no. 3 (58), pp. 81–84. (In Russ.)

16. Zhuravlev A. L. Psychology of joint activity. Moscow: Nauka Publ., 2005. 638 p. (In Russ.)

17. Dontsov A. I. To the problem of the integrity of the subject of collective activity. *Questions of Psychology*, 1979, no. 3, pp. 25–34. (In Russ.)

18. Psychology: Dictionary. In Petrovskogo A. V., Yaroshevskogo M. G. (eds.) 2 ed. Moscow: Politizdat Publ., 1990. 494 p. (In Russ.)

19. Platonov K. K. General problems of the theory of groups and collectives. In Platonov K. K. (ed.) *Collective and personality; AN SSSR. In-t psihologii*. Moscow: Nauka Publ., 1975. Pp. 3–17. (In Russ.)

20. Obozov N. N. Compatibility and responsiveness of people; Academy of Psychology of Entrepreneurship and Management. Saint-Petersburg: Oblik Publ., 2000. 211 p. (In Russ.)

21. Trofimov V. V., Sviridov V. V. Legal co-creation: definition of the concept and role in the Russian law-making process. *Legal Policy and Legal Life*, 2018, no. 4, pp. 106–114. (In Russ.)

22. Volkov Yu. G., Polikarpov V. S. Man: Encyclopedic Dictionary. Moscow: Gardariki, 1999. 518 p. (In Russ.)

23. Kuz'min E. S. System "Man and the World" in 2 vol. Vol. I. In Berezovskii V. I. (ed.) Irkutsk: Irkutsk State University Publ., 2010. 314 p. (In Russ.)

24. Il'ina V. A. Ontological approach to understanding the value system of legal psychology. *Psychology and Law*, 2020, vol. 10, no. 1, pp. 143–151. (In Russ.)

25. Shein E. Organizational culture and leadership. 3rd ed. T. Yu. Kovaleva (ed.). Saint-Petersburg: Piter Publ., 2008. 336 p. (In Russ.)

26. Besonia Bon Eric A. Self-evaluation of leadership styles, communication styles, and organizational cultures among top managers. *Organizational Psychology*, 2023, vol. 13, no. 3, pp. 92–119. DOI: 10.17323/2312-5942-2023-13-3-92-119. (In Russ.)

27. Ozhegov S. I. Russian language dictionary 70000 words. In Shvedova N. Yu. (ed.) AN SSSR, In-t rus. yaz. 23-e izd., ispr. Moscow: Rus. yaz., 1991. 915 p. (In Russ.)
28. Gevorkyan S. R. Some aspects of the category of interaction in modern social psychology. *News of universities. North Caucasus region. Social Sciences*, 2006, no. 1, pp. 92–101. (In Russ.)
29. Baranov V. M., Trofimov V. V. Personal in law-making: utopia, anthropological resource or a necessary technical and legal means of improving quality. *Legal science and practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2015, no. 2 (30), pp. 9–18. (In Russ.)
30. Malko A. V., Subochev V. V. Political and legal manipulation as a psychological phenomenon and scientific category. *Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no. 1, pp. 163–80. DOI:10.17759/psylaw.2021110113. (In Russ.)
31. Dubovskaya E. M. The problem of joint activity: tradition and perspective. *Social Psychology and Society*, 2013, no. 3, pp. 5–12. (In Russ.)
32. Nechaev N. N. Category of development as the basis of psychological and pedagogical studies of education. *Cultural-Historical Psychology*, 2018. Vol. 14, no. 3, pp. 57–66. DOI: 10.17759/chp.2018140306. (In Russ.)
33. Nikovskaya L. I., Yakimets V. N. From conflict to intersectoral partnership. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, 2003. Vol. 6, no. 1, pp. 96–112. (In Russ.)
34. Trofimov V.V. Conflict law and the law of cooperation as an expression of basic social strategies: the problem of the reality of a systemic legal structure. *State Legal Studies*, 2022, issue. 5, pp. 39–51. DOI: 10.20310/2658-5383-2022-5-39-51. (In Russ.)
35. Trofimov V.V. Communication of civil society and public authorities on the platform of legal co-creation as a social tool for leveling and stabilizing the course of state and legal development (introduction to the problem). *Law: History and Modernity*, 2018, no. 1, pp. 73–82. DOI: 10.17277/pravo.2018.01.pp.073-082. (In Russ.)

Информация об авторах

А. В. Малько — доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института государственно-правовых исследований Тамбовского государственного университета имени Г. П. Державина;

В. В. Трофимов — доктор юридических наук, доцент, начальник Научно-исследовательского института государственно-правовых исследований, профессор кафедры теории и истории государства и права Тамбовского государственного университета имени Г. П. Державина;

В. Ю. Самородов — кандидат юридических наук, младший научный сотрудник Научно-исследовательского института государственно-правовых исследований Тамбовского государственного университета имени Г. П. Державина.

Information about the authors

A. V. Malko — Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Chief Researcher of Research Institute of State and Legal Research, Derzhavin Tambov State University;

V. V. Trofimov — Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, Head of Research Institute of State and Legal Research, Derzhavin Tambov State University;

V. Yu. Samorodov — Candidate of Sciences (Law), Junior Researcher at the Research Institute of State and Legal Research, Derzhavin Tambov State University.